

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

НИЦШЕ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091)(430)
ББК 83.3(4Гем)
С84

Оформление
Дизайн-студия «Дикобраз»

Перевод с английского
Бариновой Н.Г.

Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Paul Strathern
Nietzsche in 90 minutes

Подписано в печать 5.01.2006. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 4,2.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 1305.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

Стретерн, П.

С84 Ницше за 90 минут /Пол Стретерн; пер. с англ.
Н.Г. Бариновой. - М.: Астрель: АСТ, 2006. - 76, [4] с:
ил. - (Философы за 90 минут).

ISBN 5-17-021010-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07583-4 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-121-1 (англ.)

В своей книге «Ницше за 90 минут» Пол Стретерн предлагает краткий обзор жизни и идей Ницше, которые так долго обошлись человечеству. Книга включает в себя выдержки из трудов философа, а также даты важнейших событий, произошедших как в судьбе самого Ницше, так и в истории его эпохи.

УДК1(091)(430)
ББК83.3(4Гем)

ISBN 5-17-021010-8
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07583-4
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-121-1 (англ.)

© Paul Strathern, 1996
© ООО «Издательство Астрель», 2004

Содержание

Введение	5
Жизнь и труды Ницше	7
Послесловие	44
Ключевые понятия философии Ницше	47
Из произведений Ницше	55
Важные даты в философии	66
Хронология жизни Ницше	71
Эпоха Ницше	73
Именной указатель	75

Введение

На заре христианской эры философия погрузилась в глубокий сон. Схоластика, в основу которой легло учение Аристотеля и догматы церкви — вот порождение этого сна.

В XVII веке, с появлением Декарта, провозгласившего знаменитое «Cogito ergo sum» (Мыслю, следовательно существую), философия пробудилась от средневековой дремы. Наступила эпоха Просвещения. С этих пор познание основывалось на разуме.

Однако Декарт разбудил не только схоластов, но еще и английских мыслителей, которые вскоре отозвались на его требование рациональности настойчивым утверждением того, что наше зна-

ние основывается не столько на разуме, сколько на опыте. Своим усердием эти британские эмпирики, сами того не желая, разрушили представление о главенстве разума, сведя процесс познания к серии постепенно ослабевающих ощущений.

Философия была в опасности. И тогда, в середине XVIII века, от догматического сна пробудился Кант, создав еще более усыпляющую философскую систему, чем та, которая способствовала схоластическому коллапсу. Философия словно бы стремилась уподобиться легендарному Рипу ван Винклю.

Гегель отреагировал на это созданием своей собственной фундаментальной системы. Шопенгауэр решил дополнить ее, привив кантианству бесчувственность восточной философии, что привело к пробуждению молодого Ницше.

Ницше принял вызов, отныне его оригинальная, но лишенная системы философия была призвана тормошить дремлющее человеческое сознание еще долгие годы.

Жизнь и труды Ницше

С появлением Ницше философия вновь стала опасной, но уже по-другому. В предшествующие века она была опасна лишь для философов, с приходом Ницше она стала нести в себе опасность для всех.

Ницше окончил потерей рассудка, на его последние работы нездоровье уже наложило свою печать. Опасные идеи, однако, возникли много раньше и не имеют ничего общего с медицинским диагнозом. Они оказались предвестниками того массового безумия, которое имело ужасающие последствия для Европы первой половины XX века и которое угрожает нам и сегодня.

Поздние философские идеи Ницше как

нельзя более точно соответствуют своим названиям — идет ли речь о сверхчеловеке, о вечном возвращении (идея того, что на протяжении вечности мы проживаем свои жизни снова и снова) или о единственном предназначении цивилизации (создавать «великих людей», таких как Гете, Наполеон и он сам). Используемое им понятие *воля к власти* в качестве универсального толкования либо упрощено, либо бессмысленно— даже монизм Фрейда является более искусным, а менее специфичная идея Шопенгауэра — более убедительной. Как и всякая другая хорошо законспирированная теория, учение Ницше о всепроникающей *воли к власти*, кажется, содержит обычный элемент паранойи. Но подлинная философия Ницше настолько непревзойденна, убедительна и проницательна, как никакая другая из существовавших до нее или возникших после. Читая его, вы понимаете, что философия действительно воздействует на умы (и это одна из причин того, почему она опасна). Использование понятия *воля к власти* исключительно в качестве аналитического инструмента позволяет обнаружить составляющие элементы человеческих побуждений,

прежде не принимавшиеся в расчет. Это позволило Ницше разоблачить те ценности, которые как раз и создавали эти побуждения в человеке, и проследить эволюцию этих ценностей на обширном историческом материале, освещая истинные основания нашей цивилизации и культуры.

Несмотря на то что Ницше не был полностью свободен от упреков по поводу опасного вздора, необходимо отметить, что большая часть этих упреков искажает смысл того, что философ действительно имел в виду. Современные Ницше протофашисты не вызывали у него никаких чувств, кроме презрения, антисемитизм глубоко возмущал его, а идея создания государства расово чистых германцев не породила ничего, кроме насмешки. Если бы он дожил (и сохранил свое здравомыслие) до 30-х годов, когда ему исполнилось бы 80 лет, он, подобно некоторым немецким философам того времени, объявившим себя его наследниками, безусловно, не смог бы не отреагировать на происходившие в Германии абсурднейшие события.

Фридрих Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года в Саксонии, которая к тому вре-

мени была провинцией набирающего силу королевства Пруссии. Происходил он из древнейшего купеческого рода, но уже его дед и отец были лютеранскими пасторами. Отец Ницше был патриотом, глубоко уважающим короля, Фридриха Вильгельма IV, поэтому нет ничего удивительного в том, что своего первенца, появившегося на свет в день рождения короля, Людвиг Ницше не мог назвать как-нибудь иначе. По странному совпадению, все трое окончили свою жизнь сумасшедшими.

Первым был Людвиг, который умер в 1849. Ему поставили диагноз «размягчение мозга». Вскрытие показало, что четверть его мозга была поражена этим самым «размягчением». И хотя эта точка зрения не слишком популярна среди медиков, наиболее знаменитые биографы Ницше убеждены в том, что умопомешательство Ницше-старшего не было унаследовано его сыном.

Ницше воспитывался в Наумбурге, в доме, полном «святых женщин», включая мать, младшую сестру, бабушку по материнской линии и двух слегка сумасшедших незамужних теток. Это повлияло на его отношение к женщинам на про-

тяжении всей жизни. Привитая с детства религиозность сделала из юного, изнеженного Ницше «маленького пастора». Однако он был настолько выдающимся подростком, что не мог не прийти к самопознанию самостоятельно, и с 18 лет уже начал сомневаться в своей вере. Будучи проницательным мыслителем, он не мог не заметить, что в мире, окружающем его, люди находятся не на своих местах. Символично, что эта мысль не была ему кем-то навязана: он дошел до нее сам. На протяжении всей своей жизни Ницше не испытывал интеллектуального давления ни со стороны своих современников, ни со стороны давно покинувших этот мир мыслителей: он был глубоко оригинальным философом.

В возрасте 13 лет он был определен в пансион соседнего города Форта, один из самых престижных пансионов Германии, а в 19 поступил в Боннский университет, чтобы изучать теологию и классическую филологию. Его судьба была заранее распланирована «святými женщинами», но в нем уже зрело бессознательное стремление к бунту, в дальнейшем наложившее свой отпечаток на формирование его характера. Прибыв в Бонн,

замкнутый школьник неожиданно стал общительным студентом. Он вступил в модную студенческую организацию, приобрел привычку выпивать с товарищами и даже дрался на дуэли (обычный показатель поступок, в результате которого он получил свой почетный шрам — на носу, обычно скрываемый дужкой очков). Но этот период был необходим. К этому времени Ницше уже решил, что «Бог умер». (Это замечание, сейчас так тесно ассоциируемое с Ницше и его философией, было высказано еще Гегелем за 20 лет до рождения Фридриха Вильгельма.) Дома во время каникул он отказался от конфирмации, заявив, что не будет посещать церковь. На следующий год Ницше перевелся в Лейпцигский университет, где собирался оставить свои занятия теологией и сосредоточиться на классической филологии.

Ницше прибыл в Лейпциг в октябре 1865 года, в том же месяце, в котором он отмечал свой двадцать первый день рождения. Примерно в это же время произошли еще два события, перевернувшие его жизнь. Во время экскурсии в Колонгу он побывал в публичном доме. По словам самого Ницше, этот визит был ненамеренный. Он

попросил прохожего провести его к ресторану, а тот привел его в бордель. Вот как позже Ницше описывал этот визит другу: «Неожиданно меня окружило полдюжины призраков в мишуре и блестящей ткани, выжидающе вглядывающихся в меня. На какое-то время я потерял дар речи. Затем я инстинктивно набросился на единственный сентиментальный предмет, находящийся в этом месте: фортепиано. Я сыграл несколько аккордов, которые вывели меня из оцепенения, и я убежал».

Дело в том, что мы располагаем только свидетельством самого Ницше относительно этого маловероятного эпизода. Невозможно точно сказать, был ли этот визит случайным, и ограничился ли Ницше только ласканием клавиш фортепиано. Можно лишь утверждать, что Ницше на тот период был все еще девственен. Необычайно тонко чувствующий юноша, он в то же время был совершенно неопытен и неуклюж во многих мирских делах. (Однако, несмотря на свой небогатый сексуальный опыт, он искренне убеждал своего друга в том, что удовлетворить его смогут лишь три женщины одновременно.)

Позже Ницше должен был признать, что в

том борделе он был пленен чем-то большим, чем просто пианино. Он все-таки вернулся туда, и почти точно можно сказать, что совершил еще несколько визитов в подобные заведения уже в Лейпциге. Вскоре он обнаружил, что заражен. Его лечащий врач не сказал ему, что он болен сифилисом (в то время врачи не сообщали своим пациентам о том, что они неизлечимо больны). В результате Ницше стал воздерживаться от сексуальных контактов с женщинами, но, несмотря на это, в течение всей своей жизни он продолжал делать ошеломляющие, а порой и саморазоблачительные заявления о них в своих книгах. «Вы собираетесь пойти к женщине? Не забудьте свой хлыст». (Хотя возможно именно вследствие посещения того самого первого в своей жизни борделя он считал исключительно справедливым, что мужчинам следовало бы всегда быть готовым к столкновению.)

Второй эпизод, изменивший его жизнь, произошел с ним тогда, когда он посетил букинистический магазин и случайно наткнулся на книгу Шопенгауэра «Мир как воля и представление». «Я взял в руки незнакомую книгу и начал листать

страницы. И какой-то демон шепнул мне на ухо: «Возьми эту книгу домой». Так, вопреки своему принципу никогда не покупать книгу сразу, я все же купил ее. Вернувшись домой, я тут же очутился на своей кровати с моим новым сокровищем и позволил мрачному гению завладеть моим разумом... Я заглянул в зеркало, со вселяющим ужас великолепием отражающее мир, жизнь и меня самого... Здесь я увидел болезнь и здоровье, изгнание и приют, Ад и Рай».

Испытав эти воистину пророческие чувства, Ницше стал поклонником Шопенгауэра. В это время, когда Ницше ни во что не верил, ему были просто необходимы пессимизм и отрешенность Шопенгауэра. Согласно Шопенгауэру, мир — это просто представление, поддерживаемое всепроникающей злой волей. Эта воля слепа и не знает ни малейшего снисхождения к мелким и суетным заботам человечества, навязывая людям жизнь, полную страданий, вынуждая их непрерывно бороться за существование. Единственно разумное, что мы можем сделать, — это попытаться уменьшить силу этой воли внутри себя, живя аскетичной жизнью.

Пессимизм Шопенгауэра не совсем соответствовал натуре Ницше, но он тотчас же признал его мощь и правдивость. С этого момента ему требовалось немало усилий, чтобы не зависеть от этого пессимизма. Дальнейший путь шел через Шопенгауэра. Более того, шопенгауэровская концепция основополагающей роли, которую играет воля, имела для Ницше решающее значение. В конце концов она трансформировалась в ницшеанскую *волю к власти*.

В 1867 Ницше был призван на год государственной службы в рядах прусской армии. Властей явно сбили с толку большие военные усы, которые Ницше отрастил, и он был отправлен в кавалерию. Это была ошибка. Ницше обладал огромной решимостью, но у него была хрупкая, неустойчивая психика. Однажды, во время верховой езды, он пережил довольно серьезный несчастный случай, после чего опять сел на лошадь и поехал как ни в чем не бывало, в лучших прусских традициях. Вернувшись в казармы, он вынужден был месяц пролежать в больнице. После чего Ницше было присвоено звание ефрейтора, и он был отправлен домой.

Ницше вернулся в Лейпцигский университет, один из профессоров которого назвал его своим лучшим студентом за последние 40 лет. Однако к этому времени Ницше уже освободился от чар филологии и своего «безразличия по отношению к истине и актуальным жизненным проблемам». Он не знал, что делать. В отчаянии он даже думал было заняться химией или сбежать на год в Париж, где «восхитительный канкан и желтый яд под названием абсент». Но однажды он руководил обеспечением безопасности на музыкальном представлении композитора Рихарда Вагнера, тайно прибывшего в Лейпциг. (Вагнер был изгнан из города за свою революционную деятельность двадцатью годами раньше, и приговор этот оставался неизменным, несмотря на трансформацию его экстремистских политических взглядов с левых на правые.)

Вагнер родился в том же году, что и отец Ницше и, без сомнений, имел с ним поразительное сходство. Ницше же испытывал острую, но по большей степени бессознательную необходимость в отце. Он никогда раньше не встречал ни знаменитого артиста, ни человека, чьи взгляды

соответствовали его собственным. За время их первого короткого разговора Ницше узнал о глубокой увлеченности Вагнера Шопенгауэром. Вагнер, польщенный вниманием молодого философа, пустил в ход свое обаяние, которое незамедлительно подействовало на Ницше. Он был потрясен этим человеком и композитором, чей яркий характер был, по меньшей мере, равен его блистательным операм.

Спустя два месяца Ницше предложили пост профессора филологии в Базельском университете в Швейцарии. Тогда ему было всего 24 года, и он еще не получил докторскую степень, но, несмотря на то, что он уже охладел к филологии, он не мог отказаться от такого предложения. В апреле 1869 года Ницше занял пост в Базеле и сразу же стал читать дополнительные лекции по философии. Он стремился соединить философию и филологию, изучение эстетики и классической литературы, чтобы использовать их в качестве инструмента анализа недостатков нашей цивилизации. Он быстро зарекомендовал себя как восходящая звезда университета и вскоре познакомился с Якобом Буркхардом, величайшим исто-

риком культуры, который также входил в преподавательский состав факультета. Буркхард был первым ученым, тщательно разработавшим историческую концепцию эпохи Возрождения, и единственным человеком на факультете, кто мог бы сравниться по широте своего ума с Ницше, и, следует добавить, единственным, о ком Ницше на протяжении всей своей жизни не мог вспоминать без страха. Возможно, в этот решающий период Буркхард смог бы оказать значительное влияние на Ницше, но его аристократическая сдержанность помешала этому. Помимо всего прочего, роль отца уже была занята.

Всего 40 миль отделяло Ницше, находящегося в Базеле, от города Трибхен, где жили Вагнер с Косимой, дочерью Листа (которая в это же время была замужем за общим другом Листа и Вагнера, дирижером фон Бюловым). Ницше сразу же стал постоянным посетителем роскошной виллы Вагнера на берегу озера Люцерн. Но жизнь Вагнера была оперной не только в музыкальном, эмоциональном и политическом смысле, это был человек, который в полной мере верил в жизнь своих фантазий. Трибхен был сам по себе подобен опе-

ре, и никогда не могло возникнуть никаких сомнений по поводу того, кто играет в ней главную роль. Одетый во «фламандском стиле» (смесь Летучего Голландца и Рубенса в маскарадном костюме), Вагнер вышагивал среди розовых атласных стен и выполненных в стиле рококо херувимов в своих черных атласных штанах, шотландском берете и причудливо завязанном шелковом галстуке, декламируя среди своих бюстов, громадных масляных картин (на которых был изображен он же) и серебряных кубков, напоминающих о его операх. Ладан пропитывал воздух, и только музыке маэстро позволялось сосуществовать вместе с ним. Тем временем Косима потворствовала этим театрализованным представлениям на дому и была их частью вместе с ягнятами, овчарками и декоративными курицами, которые бродили по саду.

Трудно понять, как Ницше мог обмануться мишурным блеском вагнеровского величия. Как вообще кто-либо мог обмануться всем этим карнавалом? (Расточительность Вагнера постоянно приводила его к финансовым крахам, и он полагался на поддержку ряда богатых благодетелей,

включая короля Баварии Людвига, который вложил в него огромное количество казенных денег.) Только слушая музыку Вагнера, можно постичь убедительность и роковое очарование его характера. Сам композитор был так же явно ошеломляющ, как и его очаровывающие композиции. Юный Ницше очень быстро попал под влияние этой опьяняющей атмосферы, где царствовало воображение. Вагнер по-прежнему был ему вместо отца, но вскоре Ницше обнаружил, что он полон эдипового вождения к Косиме. Не отважась признаться в этом (даже самому себе), он влюбился в нее.

В июле 1870 года разразилась франко-прусская война. Это был шанс отомстить за поражение, нанесенное Наполеоном, удобный случай покорить французов и утвердить Германию в качестве главной державы в Европе. Полный патриотической страсти, Ницше поступил добровольцем на службу в качестве медицинского санитаря. Проезжая Франкфурт по пути на фронт, он видел ряды кавалерии, с грохотом проносящиеся по улицам в полном боевом облачении. Как будто пелена спала с его глаз. «Впервые я почув-

ствовал, что сильнейшая и высочайшая воля к жизни проявляется не в борьбе за существование, а в *воле к власти*, в воле к войне и господству». Концепция *воли к власти* появилась на свет, и хотя с годами она претерпела серьезные изменения, будучи рассмотренной в индивидуальном и социальном, а не в чисто военном смысле, она все же никогда не будет свободна от первоначального «военного» контекста.

Между тем как Бисмарк подавил французов, Ницше пришел к открытию, что война — это не только триумф. На поле битвы при Верфе он оказался посреди «усеянной человеческими останками и смердящей трупами» равнины. Позже его назначили сопровождающим в тыл шестерых раненых. Среди раздробленных костей и гниющей плоти умирающих солдат Ницше держался, как мог, но по возвращении в Карлсрух он и сам был едва живым. Его срочно госпитализировали, пытаясь уберечь от дизентерии и дифтерии.

Несмотря на этот неприятный опыт, спустя два месяца Ницше вернулся в Базель, чтобы продолжить свою преподавательскую деятельность. Он продолжал усердно читать лекции как по фи-

лософии, так и по филологии, и начал писать работу «Рождение трагедии из духа музыки». Этот блистательный и совершенно оригинальный анализ греческой культуры сопоставлял ясный аполлонический дух классической строгости с темными инстинктивными дионисическими силами. Согласно Ницше, величайший феномен греческой трагедии появился в результате синтеза этих двух элементов, который в конце концов был разрушен поверхностным рационализмом Сократа. Ницше впервые сделал акцент на темной стороне греческой культуры, хотя его описание этого явления остается довольно дискуссионным. На протяжении XIX века классическая культура была священной. Ее идеалы чести, культуры и демократии апеллировали к самоутверждению возникающего среднего класса. Никому не хотелось услышать, что все это было большой ошибкой. Еще более противоречивым было частое обращение Ницше к Вагнеру и его «музыке будущего» для иллюстрации своих философских аргументов. В самом деле, он писал своему издателю: «Действительная цель этой книги — разъяснить Вагнера, эту удивительную загадку нашего времени,

в его отношении к греческой трагедии». Только Вагнер сумел соединить в своих произведениях аполлонический и дионисийский элементы по образцу греческой трагедии.

Это заострение внимания на темном дионисийском начале составило существенную часть всей философии Ницше. Он больше не мог игнорировать «буддийское отрицание воли» Шопенгауэра. Вместо этого он противопоставил свое дионисийское начало началу христианскому, которое, по его мнению, приводило цивилизацию в состояние упадка. Он понимал, что большинство наших побуждений являются обоюдоострыми. Даже наши так называемые лучшие порывы имеют свои темные или худшие стороны: «Каждый идеал предполагает любовь и ненависть, благоволение и презрение. Самый ценный порыв может возникнуть как из положительной, так и из отрицательной стороны». С его точки зрения, христианство произошло именно из отрицательной стороны. Оно возникло в Римской империи как религия угнетенных и рабов, что было видно уже по одному ее отношению к миру. Эта религия постоянно пыталась побороть наши наиболее силь-

ные позитивные инстинкты. Это отрицание было как сознательное (в одобрении аскетизма и самоотречения), так и бессознательное (в отношении кротости, которую Ницше рассматривает в качестве бессознательного выражения возмущения, замены агрессии слабостью).

Более того, Ницше отрицает провозглашенные христианством сострадание, подавление истинных чувств и сублимацию желаний в пользу более сильной этики, близкой к истокам наших чувств. Бог умер, христианская эра окончена. Хуже всего, если XX век даст ей право на существование, лучше всего, если все увидят, что множество лучших «христианских» предписаний не имеют никакого отношения к Богу. Вопрос о том, живем ли мы в согласии с нашими чувствами или нет, остается спорным.

Вагнер был блестящим артистом, но он не смог подняться до этого уровня мудрости. Постепенно Ницше смог разглядеть ту интеллектуальную маску, которую надел на себя Вагнер. Вагнер был непостоянным, обладающим огромным потенциалом и интеллектуальной силой человеком, но даже его увлеченность Шопенгауэром была

лишь преходящей фазой, должной принести соответствующие плоды в его искусстве. Первоначально Ницше старался не замечать определенные неприятные мелочи в семье Вагнера, такие как антисемитизм, его высокомерная самонадеянность и неспособность признать чьи-то возможности или нужды, кроме своих собственных. Но всему есть предел. К этому времени Вагнер переместился в город Байрет, где баварский король Людвиг воздвигал ему театр, который предназначался исключительно для представлений его опер (проект, который помог опустошить казну Баварии и сместить Людвигу). В 1876 г. Ницше прибыл в Байрет для открытия представлений цикла опер Вагнера, но заболел, вероятнее всего, из-за психического расстройства. Мания величия и упадок творческих сил — было для него слишком, и он вынужден был уехать.

Спустя два года Ницше опубликовал свою коллекцию афоризмов «Человеческое, слишком человеческое», в которой завершил разрыв с Вагнером. Восхваление Ницше французского искусства, его психологическая проницательность и выражение романтических претензий, и его аб-

солютная восприимчивость — все это было слишком для Вагнера. Но что хуже всего, эта работа содержала в себе рекламу «музыки будущего», о которой Вагнер его не просил.

Возможно, еще более важным является тот факт, что вслед за появлением этой работы многие наиболее искренние поклонники Ницше отвернулись от него. По иронии, причиной этому послужил довод, который сейчас более всего восхищает (даже тех, кто ненавидит его философию). В этой работе Ницше начал развивать свой стиль, который позволил ему стать одним из мастеров немецкой литературы. Стиль Ницше всегда был бойким и ясным, а его идеи — понятными, но сейчас он стал писать афоризмами. Использованию скучных аргументов он предпочел серию проницательных высказываний, быстро переключающихся с одной темы на другую.

Ницше философствовал разными способами. Самые величайшие его идеи посещали его во время прогулок в швейцарском пригороде. Несмотря на свое слабое здоровье, он часто требовал отпустить его на прогулку более чем на 3 часа (хотя это, скорее, было желание проявить *волю к влас-*

ми, чем ее действительное проявление). Утверждают даже, что афористичный стиль Ницше явился результатом его привычки на ходу бегло набрасывать свои мысли в записной книжке. Но какова бы ни была причина, эта привычка Ницше породила непревзойденный в философии XIX века стиль, хотя это было время великих стилистов. Но за исключением французского *enfant terrible* Рембо, никто из писателей не предчувствовал наступления грядущей лингвистической революции. В прозе Ницше слышится голос наступающего XX века: его язык — это язык будущего.

Но это было еще впереди. Когда Ницше писал «Человеческое, слишком человеческое», он был только на пути к созданию своего стиля. Однако эта работа содержит ряд изумительных психологических пассажей, например: «Фантазер отрицает реальность для самого себя, лгун — только для других», или: «Источник невоздержанности — не радость, а безрадостность», или: «Все поэты и писатели захвачены величайшим желанием создать нечто большее, чем они могут», и наконец: «Шутка — эпиграмма на смерть чувств». Поклонники Ницше возмутились, дескать, ника-

кая это не философия, и они были правы — это была психология (хотя такого качества, что несколькими десятилетиями позже Фрейд отказался от чтения Ницше — из-за боязни обнаружить, что ему по этому предмету уже нечего будет сказать). Но синтез философии с психологией не способствовал созданию связной обширной работы. За этими психологическими пассажами не было того ряда основополагающих аргументов, которые могли бы способствовать созданию стройной философской системы. Иными словами, работа Ницше казалась несистематизированной (избавиться от этого несправедливого ярлыка ей так и не удалось). В силу своей афористичности мысль Ницше кажется бессистемной, но его идеи так же тесно связаны между собой, как любые другие, составляющие философское наследие прошлых эпох.

Хотя, безусловно, он был несистематичным в том смысле, что его философия обозначила собой конец всем системам. Или, по крайней мере, должна была обозначить, ведь всегда найдется кто-то, кто желает сделать нечто подобное. (Именно в это время в Британском музее трудился Карл Маркс.)

Несмотря на недостатки, работа «Человеческое, слишком человеческое» выявила в Ницше величайшего психолога своего времени. Учитывая нехватку в его жизни общественного опыта, это надо признать проявлением большого гения. По существу, Ницше ведь был белой вороной. В обыденном смысле он едва знал кого-нибудь. У него не было друзей. На протяжении своей жизни он сумел удержать возле себя несколько истинных поклонников, но его одержимость препятствовала обретению им истинной дружбы. Как же он сумел приобрести столь полное психологическое знание? Многие исследователи считают, что единственным источником знаний в этой области мог быть только один человек — Рихард Вагнер. Это вполне правдоподобно. Из такого источника действительно можно многое почерпнуть. Но комментаторы упускают факт, не менее важный: Ницше хорошо знал самого себя (хотя и не всё в себе он знал). Психологические озарения Ницше имеют универсальное значение, несмотря на эклектичность источника: мизантроп - философ да композитор, страдающий манией величия. И вот доступ Ницше к главному источнику

психологических знаний оказался закрытым. После публикации работы «Человеческое, слишком человеческое» разрыв с Вагнером стал неизбежным. Мир, который Ницше предвосхищал в своей книге, — Прекрасный Новый Мир Будущего. Вагнер тем временем был погружен в создание своей финальной работы под названием «Парсифаль», ознаменовавшей его отход от идей Шопенгауэра и возвращение в лоно христианства. Их пути разошлись навсегда. Считается, что на протяжении всей своей жизни Ницше должным образом знал только одного человека, и этот человек снабдил его достаточным материалом, чтобы Ницше стал величайшим психологом своего времени. Этим человеком был Вагнер.

В 1879 году в силу прогрессировать своей болезни Ницше был вынужден оставить пост в Базеле. На протяжении многих лет его здоровье было весьма хрупким, и к этому времени он стал очень больным человеком. Ему была назначена небольшая пенсия. Плюс ко всему ему посоветовали сменить место жительства и уехать в страну с более мягким климатом.

Последующие 10 лет Ницше скитался по Ита-

лии, югу Франции и Швейцарии в постоянном поиске климата, который смог бы облегчить его страдания. Что же было у него не в порядке? Казалось, что все. Его зрение упало настолько, что он оказался полуслепым (врач порекомендовал ему оставить чтение; но бросить чтение было равносильно тому, чтобы бросить дышать). Он страдал от неистовых, делающих его недееспособным головных болей, которые иногда приковывали его к постели на несколько дней подряд; обычно он представлял собой скопление физических недугов и болезней. Его настольная коллекция всевозможных эликсиров, панацей, пилюль, тонизирующих средств, порошков и лекарств ставила его на особое положение даже среди ипохондриков. Тем не менее, именно этот философ заговорил об идее *сверхчеловека*. Безусловно, это была психологическая компенсация, что не помешало идее *сверхчеловека* стать центральной в философии Ницше. Такая компенсация подобна песчинке, из которой выросла жемчужина.

Сверхчеловек впервые появился в работе «Так говорил Заратустра», длинной поэме, написанной весьма напыщенным слогом, хотя автор претен-

дует на «иронию» и «легкость изложения». Подобно Достоевскому и Гессе, Ницше нельзя постигнуть в полной мере будучи подростком — но знакомство с этой книгой в этом возрасте часто может перевернуть жизнь. И не всегда к худшему. На несуразности можно просто не обращать внимания, а остальные идеи бросают вызов многим принятым положениям, заставляя заглянуть внутрь себя. Собственно философское содержание есть здесь нечто исчезающе малое по сравнению с пафосом призыва к самопзнанию. «Существует ли что-нибудь помимо верха и низа? Не пребываем ли мы в бесконечном *ничто*?... Действительно ли глубочайший мрак постоянно окружает нас? Неужели мы все еще не слышим звук копающих могилу Богу могильщиков? Неужели мы до сих пор не чувствуем зловоние божественного разложения? Самая священная и могущественная вещь на земле проливает кровь и умирает от наших ножей... Ничего величественнее этого никогда еще не происходило, и те, кто будет жить после нас, будут благодарны за этот подвиг, так как они будут жить в величайшую историческую эпоху из всех когда-либо существовав-

ших до сих пор». Почти веком позже французские экзистенциалисты будут говорить о том же, но более сдержанно — и их будут приветствовать как авангардистов современной мысли.

Во время своего бесконечного тура в поисках страны с умеренным зимним климатом Ницше был представлен своим другом Паулем Рэ русской женщине по имени Лу Саломе, которой был 21 год. Рэ и Ницше (по отдельности или вместе) совершали с ней долгие прогулки и пытались внедрить в ее голову свои философские идеи. (Заратустра был представлен Лу как «сын, которого у меня никогда не будет», что для молодого Заратустры было бы большой удачей, — и не только потому, что его имя могло привлекать слишком много внимания на школьной площадке.) Лу, Ницше и Рэ заключили к этому времени трехстороннее соглашение, которое оказалось невыполнимым из-за того, что у его участников не было ни капли сексуального *savoir-faire*. Сначала эти трое решили, что они будут заниматься философией и жить втроем по канонам платонической любви. Затем оба (но по отдельности) — и Рэ, и Ницше — заявили, что влюблены в Лу, и решили сделать ей

предложение. Но, к сожалению, Ницше сделал большую глупость, попросив Рэ передать ей свое предложение. (Это не лишало права Ницше считаться величайшим психологом своего времени — об этом вам скажет каждый, кто погружался в интимную жизнь психолога.) В самом деле: кто держал ситуацию под контролем, достаточно ярко продемонстрировано на фотографии, сделанной на студии в Люцерне, где изображены все трое. Два взволнованных девственника (одному из них — 38, другому — 33) впряжены в повозку, в которой сидит истинная дева, размахивающая кнутом. В конце концов эта троица не смогла продолжать комедию и раскололась. Ницше настолько расстроился, что написал: «Этим вечером я примудостаточно опиума, чтобы обезуметь», но со временем он пришел к выводу, что Лу была недостойна стать ни сестрой, ни матерью малыша Заратустры. (Лу продолжала оставаться самой удивительной женщиной своего времени. После того как она вышла замуж за немецкого профессора и сменила имя на Андре-Саломе, она оказала значительное влияние еще на две выдающиеся фигуры того времени: она имела влиятельную любовную

связь с великим немецким лирическим поэтом Рильке и поддерживала интимную дружбу со стареющим Фрейдом.)

После того как Ницше перезимовал в Ницце, Турине, Риме или Ментоне, он провел летнее время, находясь «1500 метров над миром и даже выше — над всем человеческим бытием» в Силс-Мария, швейцарской деревушке. Силс-Мария сейчас представляет собой небольшой модный курорт (всего семь миль от Св. Морица), но там до сих пор находится небольшая комната, где останавливался Ницше со своим ящиком с лекарствами. Здесь горы склоняются над озером рядом со снежной вершиной Маунт Бернина длиной в 13 000 футов, отмечающей итальянскую границу. Позади дома можно видеть уединенную тропинку, ведущую к горам, где обыкновенно гулял Ницше и продумывал свою философию, останавливаясь рядом с утесом или устремленным ввысь горным массивом для того, чтобы бегло набросать мысли в свою записную книжку. Сама атмосфера этой местности — уединенные вершины, обширные виды, ощущение изолированной грандиозности — пронизывает интонацию его записей.

Посетив те места, в которых родились многие его мысли, мы лучше поймем некоторые недостатки и промахи его философии.

По большей части Ницше прожил свою жизнь в полном одиночестве, снимая недорогие комнаты, постоянно работая, питаясь в дешевых ресторанах, пытаясь сделать все возможное, чтобы вылечить свою нестерпимую головную боль и укрепить свое ослабленное здоровье. Для него были привычны ночи, когда его постоянно рвало, и часто он становился недееспособным на 3 или 4 дня в неделю. Более того, вскоре это стало обычным явлением. Но несмотря на это, каждый год он дарил миру свои удивительные произведения. Такие работы как «Утренняя заря», «Злая мудрость», «По ту сторону добра и зла» демонстрируют великолепную критику западной цивилизации, ее ценностей и психологии. Его слог ясен и афористичен, банальности исключены. Это не систематическая философия, но философия со своей глубокой логикой. Множество (и даже большинство) основополагающих ценностей западного человека и западной цивилизации были проанализированы им и отрицательно оценены.

Вот что он пишет об этом в своих неопубликованных записях: «Гибель христианства идет от его морали (она неотделима от него), морали, которая в конце концов обращается против своего же Бога. Чувство правдивости, столь высоко развитое христианством, начинает испытывать отвращение к фальши и лживости всех христианских толкований мира и истории. Резкий поворот назад от «Бог есть истина» к «Все ложно». Более блестящую работу трудно представить. Хотя в философском смысле разоблачение произошло почти веком раньше и осуществлено Юмом. Впрочем, критика и сейчас не была лишней, поскольку немецкая метафизическая мысль переживала возрождение.

На протяжении 80-х годов XIX века Ницше продолжал работать в одиночестве, никому не известный и никем не читаемый, постепенно все труднее переживая свое положение, так как его абсолютное одиночество и отсутствие признания становились ему невыносимы. Позже, в 1888 году, еврейский ученый из Дании Георг Брандес стал читать лекции по философии Ницше в Университете Копенгагена. Но, к сожалению, уже было

слишком поздно. В 1888 году Ницше создал не менее четырех работ, но удары давали о себе знать. Он обладал величайшим интеллектом и прекрасно знал об этом: это был императив, который мир также был обязан узнать. В работе «Ессе Homo» он характеризует книгу «Так говорил Заратустра» как «величайшую и глубочайшую книгу из всех когда-либо существовавших» — утверждение, которое увеличивало как число критических оценок в адрес Ницше, так и глубокое доверие к нему. Как будто всего этого было недостаточно, далее следуют главы со следующими названиями: «Почему я так мудр», «Почему я пишу такие хорошие книги», «Почему я - это рок», в которых он восстает против алкоголя, но одобряет какао без масла и хвалит особенности своей пищеварительной системы. Напыщенность и самолюбование Заратустры снова проявились, но уже значительно сильнее — в качестве мании. В январе 1889 года наступил печальный итог. Прогуливаясь по улице города Тюрин, Ницше почувствовал сильную слабость и ухватился руками за шею лошади, погоняемой хозяином. Ницше отвели в комнату, где он тут же стал посылать открытки: Косиме Ваг-

нер («Я люблю тебя, Ариадна»), королю Италии («Мой любимый Умберто... я делаю все, что могу против антисемитизма») и Якобу Буркхарду (называл себя «Дионисом»). Буркхард понял, в чем дело, и оповестил об этом друга Ницше, который тут же отправился за ним.

Ницше потерял рассудок и ему уже не суждено было вылечиться. Почти наверняка можно сказать, что его болезнь нельзя было бы вылечить даже сегодня. Она была вызвана переутомлением, одиночеством и страданием, важнейшей причиной его недуга был сифилис. Сифилис развился до такой степени, что повлек за собой «умственный паралич». После недолгого пребывания в лечебнице Ницше был передан под присмотр своей матери. Был он безобиден: по большей части находился в трансе, влача почти растительное существование. В моменты просветления он, казалось, смутно припоминал свое прошлое. Взяв в руки книгу, он произнес: «Я ведь писал восхитительные книги, не правда ли?»

После того как в 1897 году ушла из жизни его мать, Ницше был взят под покровительство

своей сестрой, Элизабет Ферстер-Ницше. Этот человек был последним, кто Нес за него ответственность. Сестра Ницше Элизабет была замужем за Бернардом Ферстером, безуспешным школьным учителем, ставшим отъявленным антисемитом. Ницше презирал его и просто как человека, и за его идеи. Ферстер, с помощью фермеров средней руки из Саксонии, воздвиг колонию арийской расы в Парагвае, назвав ее Nueva Germania (Новая Германия). Но когда обману пришел конец, он покончил жизнь самоубийством. (Остатки Новой Германии и ныне существуют в Парагвае, где представители «величайшей расы» до сих пор живут, как местные индейцы, фактически ничем не примечательные, за исключением своих светлых волос). Когда Элизабет вернулась в Германию и взяла под опеку своего сумасшедшего брата, она решила вновь сделать из него величайшую личность. Он возила его в Веймар, так как этот город обладал высокой культурной репутацией, ассоциировавшись с Гете и Шиллером, с целью учредить там архив Ницше. Затем она начала подделывать неопубликованные записи своего

брата, внедряя в них антисемитские идеи и лестные замечания о самой себе. Эти записи были опубликованы под названием «Воля к власти», которые впоследствии были обработаны величайшим исследователем Ницше Вальтером Кауфманом и составили содержание известнейшей работы Ницше.

В самом начале Ницше определяет условие грядущего времени: «Скептицизм по отношению к морали является решающим. Падение морального мироистолкования, не находящего себе более санкции, после того как им была сделана попытка найти убежище в некоторой потусторонности: в последнем счете — нигилизм». «Все лишено смысла» (невозможность провести до конца толкование мира, на которое была потрачена огромная сила, вызывает сомнение: не ложны ли вообще истолкования мира)». Подобного рода высказывания могут создать впечатление ненужности философии вообще, но Ницше тем не менее бойко продолжает: «Внутренняя логика знания — логика абстракций и упрощений — управляет не знанием, а овладением вещами: «цель» и «средства» так же далеки от своей

неотъемлемой сути, как и «понятия». Он продолжает, чтобы показать, чем же является наше знание: «Все наши органы познания и наши чувства служат только как средства хранения и увеличения знаний. Истина — в мышлении и ее категориях, в развитии и, следовательно, оценке логики, обеспечивает исключительно применимость в повседневной жизни, и только применимость в опыте, — ничто иное не является истиной». Его психологические заметки всегда основаны на восприятии, но сейчас они от ощущений ведут к психологическим озарениям. «Наслаждение возможно только там, где есть ощущение власти. Счастье лежит в основе торжественного осознания своей силы и победы. Прогресс лежит в основе ее укрепления, способности решительного использования воли. Все остальное — лишь глупое недоразумение».

Ницше проецирует все это на XX век, сущность которого он так блестяще предсказал. Будучи жалким, бледным, маленьким человеком с огромными офицерскими усами, имеющим смутное представление о том, кто и где он, он в конце концов умер 25 августа 1900 года.

Послесловие

В жизни Ницше было две смерти. Его разум умер в 1889, его тело — в 1900. В период между двумя этими датами его работа жила своей собственной жизнью: Ницше метался из крайности в крайность — от абсолютного мрака до высочайших интеллектуальных высот. Ницше осознавал это не более, чем то, что происходило с ним на самом деле. Но его известность достигла высот, которые он не мог себе даже вообразить в фантазиях своей мании величия. Она распространилась далеко за пределы философии во многом благодаря популярности Ницше среди писателей. В числе выдающихся фигур XX века, на которых Ницше оказал влияние, — Йейтс, Стриндберг,

О'Нейл, Шоу, Рильке, Манн, Конрад, Фрейд и бесчисленное количество менее примечательных лиц, потрясенных его идеями. Это была особая философия: ясная и понятная. Это была философия, которую вы в действительности могли читать. А то, что она записана в виде афоризмов, означает только то, что и вы можете прочитать ее (или ее отрывок).

Но в этом-то и трудность. Сейчас большинство людей читают только отрывки из философии Ницше. Такие идеи как *воля к власти* или *идея сверхчеловека* стали банальны и потеряли свой первоначальный смысл. *Сверхчеловек* Ницше вскоре превратился в полоумного расиста. Анти-семиты, а затем и фашисты стали заимствовать отдельные отрывки из его работ, не принимая в расчет контекст, в котором они были написаны.

В результате этого чрезвычайно неадекватного толкования философии Ницше на протяжении первой половины XX века она было сильно дискредитирована. Поэтому почти невозможно говорить о многих его идеях (особенно таких как *идея сверхчеловека*, *идея «порядка»*, *«воспитания»* и т. п.), вкладывая тот смысл, который он сам в

них вкладывал. Поэтический блеск большинства его работ сделал их уязвимыми для отвратительных пародий. К счастью, его замечания на столь опасные темы породили насмешку, которая, возможно, является наиболее адекватной реакцией на сегодняшний день. Однако заслуживает внимания тот факт, что взгляды Ницше на расизм, антисемитизм и близкие к ним позиции были вполне понятны. Он ясно пишет об этом: «Гомогенизация европейцев — величайший процесс, который невозможно остановить: его даже необходимо ускорить». Но когда нацисты попытались использовать Ницше в качестве официального идеолога и Гитлер целовал руку Элизабет Ферстер-Ницше рядом с архивом Ницше в Веймаре, безумны были скорее нацисты, чем философия Ницше.

Ключевые понятия философии Ницше

Философия Ницше по большей части состоит из афоризмов и не представляет собой строгой методологической системы. Его позиция является достаточно устойчивой, но его мысль постоянно развивалась в разных направлениях. Это значит, что часто он противоречит сам себе или оставляет вопрос открытым для противоречивых толкований. Это была скорее философия интуитивных озарений, чем система. Однако некоторые понятия вновь и вновь встречаются в его работах, в чем можно обнаружить элемент систематичности.

Воля к власти

Это понятие является главным в философии Ницше. Он создал его, опираясь главным образом на два основных источника: Шопенгауэра и греческую философию. Шопенгауэр заимствовал из восточной философии идею о том, что мир движим безбрежной слепой волей. Ницше признал мощь этой идеи и перетолковал ее в отношении человека. В отношении греческой философии Ницше сделал вывод, что движущей силой этой цивилизации было скорее стремление к мощи, чем что-либо полезное или непосредственно выгодное.

Ницше пришел к выводу, что человечество движимо *волей к власти*. основополагающим импульсом всех наших действий следует признавать только этот источник. Часто первоначальный смысл этой идеи искажается или даже извращается, но он всегда в этой идее содержится. Христианство со своей идеей смирения, братской любви и сострадания проповедовало абсолютно другое. Но в действительности это было не более чем искажение идеи *воли к власти*. Христианство —

религия, поддерживающая рабов в эпоху Древнего Рима, и она никогда не избавится от своей рабской ментальности. Это была скорее *воля к власти* рабов, нежели *воля к власти* сильных мира сего.

Концепт Ницше *воля к власти* явился превосходным инструментом для анализа человеческих побуждений. Действия, которые до этого расценивались как благородные или бескорыстные, рассматриваются теперь как декадентские или неадекватные.

Но Ницше не смог ответить на два главных возражения. Если *воля к власти* является единственным мерилom, то как действия, возникшие не по его непосредственному предписанию, могут не быть дегенерирующими или извращенными? Возьмем, к примеру, жизнь святого или философа-аскета, такого как Спиноза (которым Ницше восхищался). Сказать, что святой или философ-аскет использовал свою волю к власти по отношению к себе — значило бы представлять себе это понятие столь же гибким, сколь бессмысленным. Во-вторых, понятие Ницше *воля к власти* содержит круг: если наше стремление понять

мир исходит из *воли к власти*, то, безусловно, понятие *воля к власти* возникло в результате стремления Ницше понять мир. Но последнее слово в этой пронизательной и рискованной концепции все же остается за Ницше: «Формы, в которых выражалось стремление к власти, менялись с веками, но ее источником остается все тот же вулкан... Что когда-то выражалось в «стремлении к богу», сейчас выражается в стремлении к деньгам... Это то, что в данный момент создает непревзойденное чувство могущества» («Утренняя заря», 204).

Вечное возвращение

Согласно Ницше, мы должны жить так, как если бы наша жизнь повторилась вновь и вновь. Каждый момент мы должны прожить так, чтобы нам хотелось прожить его снова и снова, то есть переживать его вечно.

Это, по существу, метафизический моральный миф. Но Ницше настаивает на том, что в него нужно верить. Он провозглашает этот тезис в качестве своей «формулы величия человеческого бытия».

Это возвышенное и невероятно романтическое

акцентирование внимания на важности каждого момента выступает в качестве призыва прожить наши жизни полнокровно. Как и любая другая поэтическая идея, она имеет свои сильные стороны. Но как философская или моральная идея она, по сути своей, неглубока. Она просто-напросто не побуждает к дальнейшим размышлениям. Клише «Проживи жизнь полно» означает, по меньшей мере, нечто туманное. Идея *вечногo возвращения* на поверку оказывается бессмысленной. Помним ли мы каждую из этих возвращающихся жизней? Если да, мы, безусловно, можем что-то в ней изменить. Если же нет, они просто неуместны. Даже захватывающий поэтический образ должен быть более реален, если он претендует стать чем-то большим, чем поэтическим образом. Он просто слишком неясен для того, чтобы стать жизненным принципом, как того желал Ницше.

Сверхчеловек

Сверхчеловек Ницше не имеет ничего общего с тем суперменом, облаченным в плащ, который летает по небу в комиксах. Хотя, наверное, было

бы неплохо, если бы герой Ницше обладал некоторыми качествами своего комического тезки. Кларк Кент был, по крайней мере, наивен в той этике, которую он пытался привить сотворенному наспех миру хороших и плохих парней. *Сверхчеловек* Ницше не стеснен подобного рода моралью. Его единственной моралью является *воля к власти*. Однако удивляет то, что описанный Ницше *сверхчеловек* предполагает настолько наивный мир, что он не уступает ни одной комедии.

Прототипом ницшеанского *сверхчеловека* выступает Заратустра — невероятно горячий парень, в чьем поведении обнаруживаются опасные психические расстройства. Принято считать, что повесть о Заратустре задумывалась как притча. Но притча о чем? Притча о поведении. Притчи о том, как Христос поучал в своей проповеди на холме, на первый взгляд могут показаться почти по-детски простыми, — но если в них вдуматься, то они не покажутся уже ни детскими, ни простыми. Они проникновенны. Сказание о Заратустре также по-детски просто, но даже если хорошенько в него вдуматься, оно таким и останется. Но вопреки этому его учение очень глубоко. Ницше стремил-

ся не меньше, чем опровергнуть христианские ценности: каждый должен нести абсолютную ответственность за действия, совершенные им в этом мире. Каждый, будучи абсолютно свободным, должен сам создавать себе ценности. Никаких санкций, ни божественных, ни каких-либо еще, для его поступков быть не должно. Ницше предвидел воплощение этой идеи в XX веке. К несчастью, он создал также и руководство к действию в подобных условиях. Те, кто будут следовать этим предписаниям (этим утомительным капризам Заратустры), *станут сверхлюдьми*.

Увы, *сверхчеловек* Ницше стал чем-то большим, чем комической фигурой, которой ему и следовало быть. В книге «Так говорил Заратустра» Ницше (посредством своего героя) провозглашает: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором». («Так говорил Заратустра», *Часть первая, предисловие Заратустры, 3*). В другом месте он заявляет: «Цель человечества должна быть не в его гибели, а в его лучших представителях» («К генеало-

гии морали», Рассмотрение второе, 9). В этом смысле он совершенно свободно и необоснованно связывает понятие *сверхчеловека* с такими понятиями, как «благородство» и «родство». Но он говорил не на аристократическом расистском языке. Он имеет в виду нечто вполне определенное: «Альманах Готов: предел наказания» {«*Воля к власти*», 942 — исправленное издание 1906 или 1911 года; в издании Хертла этот отрывок был пропущен без указания на этот пропуск) и по другому поводу говорит следующее: «Когда я говорю о Платоне, Паскале, Спинозе и Гете, я чувствую, что их кровь течет во мне» (Издание Мусариона (1921—1929), полное собрание сочинений, том 21, 98). С точки зрения Ницше, кровь *сверхчеловека* содержит в себе кровь всех своих предков — и грека, и француза, и португальского еврея, и немца.

Из произведений Ницше

Афоризмы и изречения

Бог умер.

Жить опасно.

Каково лучшее лекарство? Победа.

Утренняя заря, 571

Нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов...

Потустороню добра и зла, 108

Лучшее лекарство от любви — это все же освященное веками средство: любовь возвращается.

Утренняя заря, Книга 4, 415

Убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь.

*Человеческое, слишком человеческое,
отдел 9, 483*

Лица, которые воспринимают какую-либо вещь до последней ее глубины, редко остаются ей верными. Они ведь вынесли глубину на свет; и тогда в ней всегда обнаруживается много худого.

Человеческое, слишком человеческое, 489

И самый мужественный из нас лишь редко обладает мужеством на то, что он собственно знает.

Сумерки идолов, изречения и стрелы, 2

Здесь Ницше настолько бесстрашен, что даже показывает, что он не боится попасть в собственную ловушку:

Общественное мнение — частная праздность.

Философствование

Для того чтобы продемонстрировать высочайшее качество своих длительных размышлений, Ницше разбирает здесь наше представление об истине

иего смысл (используя при этом безупречно «истинный» аргумент). Он приходит к ряду глубочайших открытий, которые особенно своевременны с учетом того, что мы уже сделали или собираемся сделать для самих себя или для мира во имя науки. Значение этих аргументов также актуально сейчас, как и тогда.

Эта безусловная воля к истине: что она такое?.. Что знаете вы загодя о характере бытия, чтобы быть в состоянии решать, где больше выгоды: в безусловно ли недоверчивом или в безусловно доверчивом? А в случае, если необходимо и то и другое, — большое доверие и большое недоверие, — откуда могла бы наука почерпнуть свою безусловную веру, свое убеждение, на котором она покоится, что истина важнее всякой другой вещи, даже всякого другого убеждения? Этого-то убеждения и не могло возникнуть там, где истина и неистина постоянно обнаруживают свою полезность, как это и имеет место в данном случае. Стало быть, вера в науку, представляющая нынче неоспоримой, не могла произойти из такой калькуляции вы-

год — скорее, *вопреки* ей, поскольку вере этой постоянно сопутствовали бесполезность и опасность «воли к истине», «истине любой ценой». ...Следовательно, «воля к истине» означает: не «я не хочу давать себя обманывать», а — безальтернативно — «я не хочу обманывать даже самого себя»: и вот мы оказываемся тем самым на почве морали. Ибо пусть только спросят себя со всей основательностью: «Почему ты не хочешь обманывать?», в особенности если видимость такова — а видимость такова! — что жизнь основана на видимости, я разумею — на заблуждении, обмане, притворстве, ослеплении, самоослепении, и что, с другой стороны, фактически большой канон жизни всегда по большому счету обнаруживался на стороне хитроумцев (плутов). Такое намерение, пожалуй, могло бы быть, мягко говоря, неким донкихотством, маленьким мечтательным сумасбродством; но оно могло бы быть и чем-то более скверным, именно враждебным жизни, разрушительным принципом. «Воля к власти» — это могло бы быть скрытой волей к смерти. — Таким образом, вопрос, зачем наука, сводится к моральной пробле-

ме: к чему вообще мораль, если жизнь, природа, история «неморальны»?.. Теперь уже поймут, на что я намекаю: именно, что вера в науку покоится все еще на метафизической вере, — что даже мы, познающие нынче, мы, безбожники и антиметафизики, берем наш огонь все еще из того пожара, который разожгла тысячелетняя вера, та христианская вера, которая была также верою Платона, — вера в то, что Бог есть истина, что истина божественна...

Веселая наука, книга 5, 344

Близкий аргумент, но явно противоречащий предыдущему, объясняющий причину гибели христианства:

«Гибель христианства — от его морали (она неотделима), мораль, которая в конце концов обращается против своего же Бога. Чувство правдивости, столь высоко развитое христианством, начинает испытывать отвращение к фальши и лживости всех христианских толкований мира и истории. Резкий поворот назад от «Бог есть истина» к «Все ложно».

Воля к власти, Книга 1, Введение

А вот одно из наиболее трезвых предписаний сверхчеловечеству во многом одно из наиболее разоблачительных:

Что делает героическим? Одновременно идти навстречу своему величайшему страданию и своей величайшей надежде.

Во что ты веришь? В то, что все вещи должны быть наново взвешены.

Что говорит твоя совесть? «Ты должен стать тем, кто ты есть».

В чем твои величайшие опасности? В сострадании.

Что ты любишь в других? Мои надежды.

Кого называешь ты плохим? Того, кто вечно хочет стыдить.

Что для тебя человечнее всего? Уберечь кого-нибудь от стыда.

Какова печать достигнутой свободы? Не стыдиться больше самого себя.

Веселая наука, 268-275

Думать опасно

Из всего написанного люблю я только то, что

пишется своей кровью. Пиши кровью — и ты узнаешь, что кровь есть дух...

Я хочу, чтобы вокруг меня были кобольды, ибо мужественен я. Мужество гонит призраки, само создает себе кобольдов — мужество хочет смеяться.

Я не чувствую больше вместе с вами: эта туча, что я вижу под собой, эта чернота и тяжесть, над которыми я смеюсь, — такова ваша грозная туча.

Вы смотрите вверх, когда вы стремитесь подняться. А я смотрю вниз, ибо я поднялся.

Кто из вас может одновременно смеяться и быть высоко?

Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни.

Беззаботными, насмешливыми, сильными — такими хочет нас мудрость: она — женщина и любит всегда только война.

Так говорил Заратустра, часть I, О чтении и письме

«Человек зол», — так говорили мне в утешение все мудрецы. Ах, если бы это и сегодня было еще правдой! Ибо зло есть лучшая сила человека.

«Человек должен становиться все лучше и

злее», — так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека.

Могло быть благом для проповедника маленьких людей, что страдал и нес он грехи людей. Но я радуюсь великому греху как великому утешению своему.

*Так говорил Заратустра, часть 4,
О высшем человеке, 5*

Сверхчеловек Заратустра поет гимн отшельничеству и перспективе возможности вернуться к нему в любой момент («круг возвращения» отсылает к ницшеанской концепции вечного возвращения, которая предполагает, что мы вечно, вновь и вновь проживаем наши жизни). Излишне говорить, что столь забавно саморазоблачительный отрывок был написан после ознакомления с теорией Фрейда.

Если некогда одним глотком опорожнял я пенящийся кубок с пряной смесью, где хорошо смешаны все вещи, —

Если некогда рука моя подливала самое дальнее к самому близкому и огонь к духу, радость к страданию и самое худшее к самому лучшему, —

Если и сам я крупница той искупительной соли, которая заставляет все вещи хорошо смешиваться в кубковой смеси, —

О как не стремиться мне страстно к Вечности и к брачному кольцу колец — к кольцу возвращения?

Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь я детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о Вечность!

Ибо я люблю тебя, о Вечность!

*Так говорил Заратустра, часть 3,
Семь печатей, 4*

Спускаясь с этих заоблачных высот (и со столь высокого языка), Ницше демонстрирует, что он допускает и более краткие и пронизательные аргументы:

«Вещь в себе» — бессмысленное понятие. Если лишить вещь всех отношений (связей), «свойств» (качеств), всех «энергий», от нее ничего не останется. Вещность была придумана нами для того, чтобы приспособиться к требованиям логики. Иначе говоря, это было сделано с целью

определения ее границ и связей. (Для того чтобы связать в одно целое множество связей, свойств и энергий.)

Воляк власти, 558

«Истина»: согласно моему образу мыслей, это не обязательно означает противоположность заблуждению, но в более фундаментальных смыслах — положение разных заблуждений по отношению друг к другу. Возможно, одна из них более закоренелая и проникновенная, чем другая, или даже неискоренимая, поскольку истинная человеческая сущность изначально предполагает их. Иные заблуждения, в отличие от жизненных обстоятельств, ни к чему нас не обязывают в прямом смысле этого слова, напротив, в сравнении с этими «деспотами» их вообще можно оставить без внимания и опровергнуть. Можно предположить, что они неопровержимы, но с какой стати они являются незыблемой истиной для нашего разума? Это высказывание без труда могут опровергнуть логики, определяющие границы в качестве границ вещей. Но я давно объявил войну оптимизму этих логиков.

Воляк власти, 535

Удивительно, что свет своих нападок на христианство Ницше так же утверждает следующее:

Необходимость существования христианского идеала — наиболее желанная вещь даже для тех идеалов, которые находятся в стороне или даже выше ее: ведь им нужны противники, сильные противники, если они сами хотят стать сильными.

Воляк власти, 361

В качестве последнего предупреждения:

Остерегайтесь чреватых сифилисом нравов.

Саул Белов, Герцог

Важные даты в философии

VI в. до н.э. - с Фалеса Милетского начинается западная философия.

Конец VI в. до н.э. - смерть Пифагора.

399 г. до н.э. - Сократа приговаривают к смерти в Афинах.

387 г. до н.э. - Платон открывает Академию в Афинах — первый университет.

335 г. до н.э. — Аристотель основывает в Афинах Лицей — школу, конкурирующую с Академией.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

324 г. н.э. - император Константин перемещает столицу Римской империи в Византию.

400 г. н.э. — Августин Блаженный пишет «Исповедь». Философию поглощает христианская теология.

410 г. н.э. — осада Рима вестготами и начало темных веков Средневековья.

529 г. н.э. - закрытие императором Юстинианом афинской Академии знаменует собой конец эллинистической культуры.

Середина XIII в. — Фома Аквинский пишет комментарии к трудам Аристотеля. Эпоха схоластики.

1453 г. — захват Константинополя турками, гибель Византийской империи.

1492 г. — Колумб достигает берегов Америки. Флорентийское Возрождение и возобновление интереса к греческой культуре.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1543 г. - Коперник публикует работу «Об обращении небесных тел», математически доказывая, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. — Галилей под давлением церкви отрекается от гелиоцентрической теории Вселенной.

1641 г. - Декарт издает «Философские рассуждения», рождение современной философии.

1677 г. — после смерти Спинозы выходит в свет его «Этика».

1687 г. - Ньютон публикует «Принципы», вводя понятие гравитации.

1689 г. — Локк пишет «Опыты о человеческом разумении». Возникновение эмпиризма.

1710 г. - Беркли издает «Принципы человеческого познания», расширяя горизонты эмпиризма.

1716 г. - смерть Лейбница.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1739—1740 г. - Юм публикует «Трактат о человеческой природе», доводя эмпиризм до его логического завершения.

1781 г. — Кант, разбуженный от «догматического сна» Юмом, пишет «Критику чистого разума». Начало великой эпохи немецкой метафизики.

1807 г. - выходит в свет произведение Гегеля «Феноменология разума», шедевр немецкой классической философии.

1818 г. - Шопенгауэр публикует работу «Мир как воля и представление», внося в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. - провозгласивший смерть Бога Ницше сходит с ума в Турине.

1921 г. — Витгенштейн пишет «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» проблем философии.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1920-е гг. — Венский кружок разрабатывает логический позитивизм.

1927 г. — издается «Бытие и время» Хайдеггера, провозгласившего разрыв между аналитической и континентальной (европейской) философскими традициями.

1943 г. — Сартр публикует работу «Бытие и ничто», в которой развивает мысли Хайдеггера и кладет начало экзистенциализму.

1953 г. — посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Расцвет эпохи лингвистического анализа.

Хронология жизни Ницше

15 октября, 1844 г. — Фридрих Вильгельм Ницше родился в г. Рекен, в Саксонии, Германии.

1849 г. - смерть отца Ницше.

1850 г. - мать Ницше перевозит семью в Наумбург.

1858 г. - Ницше поступает в пансион г. Форта.

1864 г. — обучение в Боннском университете.

1865 г. - переход в Лейпцигский университет.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ НИЦШЕ

1868 г. - знакомство с Вагнером.

1869 г. - Ницше занимает пост в Базельском университете в Швейцарии.

1871 г. - публикация работы «Рождение трагедии».

1878 г. - публикация работы «Человеческое, слишком человеческое».

1882 г. - Ницше совместно с Рэ терпит неудачу с Лу Саломе.

1883 г. публикация первых частей труда «Так говорил Заратустра».

1889 г. — первый случай необратимого умственного изнеможения на улице в г. Тюрине.

1900 г. - смерть в г. Веймаре после почти десятилетнего пребывания в трансе.

Эпоха Ницше

1850 г. - Шопенгауэр публикует «Эссе, афоризмы и максимы», работу, которая довольно поздно принесла ему публичное признание.

1853—1856 гг. - Крымская война.

1856 г. - год рождения Фрейда.

1860 г. - Бурхард публикует работу «Эпоха Возрождения в Италии». Смерть Шопенгауэра.

1861-1865 гг. - гражданская война в Америке.

1865 г. - первое исполнение Вагнером произведения «Тристан и Изольда».

ЭПОХА НИЦШЕ

1870-1871 гг. - Франко-прусская война определяет равновесие сил в Европе в пользу Германии.

1875 г. - первое исполнение оперы Визе «Кармен».

1876 г. — открытие дома оперы Байрете для представления произведений Вагнера.

1882 г. - первое исполнение «Парсифаля» Вагнера.

1883 г. - смерть Вагнера.

1889 г. - год рождения Виттгенштейна.

1896 г. — золотая лихорадка.

1900 г. — Фрейд публикует труд «Толкование сновидений».

Именной указатель

Андре-Саломе, Лу, 36-38

Аристотель, 7

Белов, Саул, 69

Буркхард, Якоб, 20-21, 41

Вагнер, Косима — см. Лист, Косима.

Вагнер, Ричард, 19-23, 25, 27-29, 32-33

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих, 8, 14

Гессе, Герман, 35

Гете, Иоганн Вольфганг, 10, 58

Гитлер, Адольф, 49

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Декарт, Рене, 7
Достоевский, Федор, 35

Кант, Иммануил, 8
Кауфман, Вальтер, 44
Кент, Кларк, 56

Лист, Косима, 21-23,42

Маркс, Карл, 32

Наполеон, 10

Паскаль, Блез, 58
Платон, 58, 63

Работы: «По ту сторону добра и зла», 39, 59;
«Рождение трагедии», 25; «Утренняя заря», 39,54,
58; «Ессе Ното», 41; «Веселая наука», 63-64; «К
генеалогии морали», 58; «Человеческое, слишком
человеческое», 28,30-32,59; «Злая мудрость», 39;
«Так говорил Заратустра», 35, 41, 57, 65-67;
«Сумерки идолов», 60; «Воля к власти», 44,58,62-
63, 68-69

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Рэ, Пауль, 36-37
Рильке, Рэйнер Мария, 38
Рэмбо, Артур, 30

Саломе, Лу - см. Андре-Саломе, Лу
Сократ, 25
Спиноза, Бенедикт, 53, 58
Схоластика, 7

Фон Булов - см. Лист, Косима
Ферстер-Ницше, Элизабет, 43,49
Фрейд, Зигмунд, 10, 31, 38,48

Шопенгауэр, Артур, 8, 10, 20, 26-27, 33, 52;
«Мир как воля и представление», 16—18

Юм, Давид, 40

**НАШИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ****буква**

Об авторе

Пол Стретерн читал лекции по философии и математике, живет и пишет в Лондоне. Обладатель премии Сомерсета Моэма, он является также автором книг по истории и путешествиям, не считая пяти романов. Имеет публикации в огромном количестве изданий, включая «Обозреватель» (Лондон) и «Ирландские времена». Свою ученую степень по философии он получил в Тринитском Колледже, в Дублине.

в Москве:

- м. Бауманская, ул. Спортаковская, 16, стр. 1
- м. Бибирево, ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0
- м. Варшавская, Чоигарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. Домодедовская, ТК «Твой Дом», 23 км МКАД, т. 727-16-15
- м. Крылатское, Осенний б-р., 18, корп. 1, т. 413-24-34 доб.31
- м. Кузьминки, Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. Павелецкая, ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. Парк Культуры, Zubовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. Перово, ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. Петровско-Разумовская, ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. Преображенская площадь, ул. Большая Черкизовская, 2, к. 1, т. 161-43-11
- м. Сокол, ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, 76, к. 1, эт. 3, т. 781-40-76
- м. Сокольники, ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. Таганская, Б.Факельный пер., 3, стр.2, т. 911-21-07
- м. Тимирязевская, Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. Царицыно, ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22

в регионах:

- Архангельск, 103 квартал, Садовая ул., 18, т.(8182) 65-44-26
- Белгород, Хмельницкого пр., 132а, т.(0722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, 10, т. (0922) 42-06-59
- Волгоград, Мира ул., 11, т.(8442) 33-13-19
- Екатеринбург, Малышева ул., 42, т.(3433) 76-68-39
- Киев, Льва Толстого ул., 11, т.(8-10-38-044) 230-25-74
- Краснодар, ул. Красная, 29, т.(8612) 62-75-38
- Красноярск, «ТК», Телевизорная ул., 1, стр.4, т.(3912) 45-87-22
- Липецк, Первомайская ул., 57, т.(0742) 22-27-16
- Н.Новгород, ТК «Шоколад», Белинского ул., 124, т.(8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, Космонавтов пр., 15, т.(8632) 35-95-99
- Самара, Ленина пр., 2, т.(8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140, т.(812) 277-29-50
- Санкт-Петербург, Савушкина ул., 141, ТЦ «Меркурий», т.(812) 333-32-64
- Тверь, Советская ул., 7, т.(0822) 34-53-11
- Челябинск, Ленина ул., 52, т.(3512) 63-46-43
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Книги издательской группы АСТ Вы можете также заказать и получить по почте в любом уголке России.

Пишите: 107140, Москва, а/я 140. Звоните: (495) 744-29-17
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru http://www.ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТУПАЮЩИЕ КНИГИ

Научно-популярное издание
Философы за 90 минут

Пол Стретерн
НИЦШЕ ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *И. Минаков*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *А. Сорманова*

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 27/32

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru
E-mail редакции: magistr@astrel.ru

Отпечатано в г. Тольятти на диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»,
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.